

Робинзон

Виталий Ченский

vi.chenskiy@gmail.com

01

Робинзон. Несколько дней назад я окончательно решил, что, останусь в Киеве. В то время, как я пишу этот текст, войска РФ уже продвинулись на юго-востоке, заложили опорный пункт в районе Борожанки и постепенно охватывают столицу с запада и юга. После новостей о развалинах Харькова и Мариуполя, это, скажем так, немного беспокоит. Но, с другой стороны, в какой бы город Украины ты ни переехал, в него также могут прийти российские части. И тогда снова придётся куда-то переезжать. И, может быть даже однажды оказаться за границей. Моя бывшая, например, живёт в Нидерландах уже десять лет.

Бывшая. За это время я уже утвердилась в своём мнении про эмигрантство.

Робинзон. И каково же твоё мнение?

Бывшая. Ну, что очень тяжело пробиться куда-либо. Что тебя за человека не держат. Что у тебя очень одинокий удел, и с тобой никто не хочет дружить.

Робинзон. Угу.

Бывшая. Не плакать, а собраться и делать.

Робинзон. Что?

Бывшая. Ну, такой лозунг эмигрантский. Не плакать, а собраться и делать. Хотя хочется плакать.

Робинзон. Ясно. Ну тогда я никуда не еду. В принципе, не такой уж и маленький шанс остаться в живых. Окна я заклеил, воды накопил. Спать можно в коридоре.

02

Крис. Значит, мама меня будит своим звонком и кричит в трубку: “Война, война! Давай иди покупай продукты, потому что у вас нихуя нема!” Я детей сразу поднимаю: “Война, война!” Дети ржут. Мы идём, а тут очереди километровые. Я в АТБ попыталась пройти - типа я с детьми, и всё такое - не пропустили. А в Мегамаркете пропустили! Мне сказали: “Мамочка проходите”. Мы пожрали в кулинарии торжественно. Я набухалась пива. Набрала целую корзину продуктов, короче, а у меня нет налички, представляешь?! И терминал не работает! Я сейчас торчу в этом Мегамаркете, не знаю что делать. Договариваюсь с девочками, что... Короче, я расскажу тебе при встрече...

Робинзон. Кажется, это было последнее, что она мне сказала, как обычный человек. Через несколько часов войны Крис уже превратилась в хрипящий и каркающий репродуктор, выплёвывающий наружу: "суки! хуй!", "путінські криси", "не пробачимо!", "щоб він здох!" ну и всякое такое. Говорят, что мужчина всегда чувствует себя растерянным рядом с плачущей женщиной. Я бы сказал, что труднее быть рядом с женщиной, которая пылает ненавистью к врагам. Если в какой-то момент она обратит на тебя

внимание, у неё возникнет вопрос - почему ты ещё здесь, а не на передовой? Ну... я не могу предложить Крис чего-то в таком вот духе. Поэтому я ей больше не звоню.

03

Робинзон. Я уже вторую неделю живу один. И моё главное занятие - чтение новостей из интернета. Однако нужно подумать, чем я буду заниматься, когда отключат электричество и упадёт интернет. Сидеть в темноте без дела - это же с ума можно сойти. Поэтому я придумал, что буду читать книги при свечах. Я уже купил на рынке коробку польских świece и отыскал в сумке моего любимого Достоевского. Итак, я зажгу свечи, сяду на кровать в коридоре и открою "Село Степанчиково и его обитатели"...

Достоевский. Пробовали было завести домашний вист-преферанс; но игра кончалась обыкновенно для генерала такими припадками, что генеральша и ее приживалки в ужасе ставили свечи, служили молебны, гадали на бобах и на картах, раздавали калачи в остроге и с трепетом ожидали послеобеденного часа, когда опять приходилось составлять партию для виста-преферанса и принимать за каждую ошибку крики, визги, ругательства и чуть-чуть не побои. Генерал, когда что ему не нравилось, ни перед кем не стеснялся: визжал как баба, ругался как кучер, а иногда, разорвав и разбросав по полу карты и прогнав от себя своих партнеров, даже плакал с досады и злости...

Робинзон. И в этот момент в окно моей квартиры должна влететь русская ракета... Ну, дешёвый, конечно ход. Не бог весть какая драматургия. Но, в общем, на ближайшие годы ничего лучшего здесь выходить не будет.

04

Дана. Не паникуй. Всё спокойно, всё хорошо.

Боря. Ну сколько мы там будем?!

Дана. Подождём немного и вернёмся. Часики возьмём...

Боря. Ну мы только что пришли из этого убежища!

Дана. Не только что, Боренька. Мы утром пришли.

Боря. И целый день вчера сидели!

Дана. Не целый. А пришли на ночь. Потому что было небезопасно.

Боря. Не только на ночь! Мы вечером ещё сидели!

Дана. Боренька, зайчик, я понимаю, что ты злишься, но такое сейчас время...

Боря. Какое время?! Ну почему! Почему в других странах нормально, а у нас нет!

Дана. Ну, пожалуйста, Боренька.

Боря. Ну что, пожалуйста? На сколько мы туда идём?

Дана. Я не могу тебе сказать. Этого никто не знает.

Боря. Ну так если не знаешь, то почему говоришь, что не надолго?

Робинзон. Так, всё взяли? Термос, зарядка...

Боря. Ну пошли уже!

Дана. Боренька, не надо кричать. А то я сейчас в спешке что-нибудь забуду.

Боря. Ты говоришь мне не кричи, а сама на меня орёшь! Зачем тебе зарядка сейчас?

Дана. Потому что если телефон разрядится, нам нужно будет его зарядить.

Боря. А почему ты суёшь её мне в рюкзак, вдруг?

Дана. Потому что...

Боря. Потому что это мой рюкзак!

Дана. Боренька, прекрати, пожалуйста. Ты уже нервничаешь, у тебя истерика пошла. Можно собраться, взять себя в руки?

Боря. Так может, это ты соберешься?

Дана. Боренька, пожалуйста, я умоляю тебя...

Боря. Что пожалуйста?

Робинзон. Забавно, что лет десять тому назад, я был даже недолго ей увлечён. Но она вышла замуж за другого парня, родила от него Бореньку и развелась. В марте Дана предложила снимать у неё комнату, чтоб сэкономить нам обоим. И вот сейчас, когда случилась война, я доставляю питьевую воду и помогаю ей носить вещи в убежище и приносить их обратно. По идее, суровые испытания военного времени должны снова нас сблизить, и мы, наконец, полюбим друг друга по-настоящему. Но слава богу моя личная драматургия ещё не испакостилась так сильно. Одна только мысль о том, что я могу иметь с ней что-нибудь интимное, вызывает у меня приступы тошноты. И меня это радует. Потому что это значит, что жизнь продолжается.

Дана. Сейчас придём, поиграем там в игру... Так, а где мой телефон...

Боря. Ну ты его взяла уже, ма!

Дана. Набери, пожа...

Боря. Ты его уже брала! Брала!

Робинзон. Ну, идём. Всё?

Дана. Робинзончик, набери, пожалуйста меня. Не могу найти телефон.

Робинзон. У тебя в руках был только что.

Дана. Да, был только что в руках, а потом куда-то положила. А вот он.

Робинзон. Дана уже сейчас могла бы стать идеальным гражданином Евросоюза. Она истово верит в ценности либерализма и безоглядно следует указаниям правительства. Поэтому, когда киевская мэрия объявляет воздушную тревогу, она хватает сына и все свои набатные рюкзаки и сломя голову бежит к бомбоубежищу. Я предпочитаю остаться дома, ведь здесь гораздо комфортнее. И пока я помогаю перенести их вещи в укрытие, сокрушённый Боренька бросает на меня ревнивые взгляды. Да, парень, тебе не позавидуешь. Ты находишься во власти своей беспокойной мамы, которая затаскает тебя по душным, набитым людьми подвалам. Дерьмовые твои дела, старичок.

Дана. Спасибо, Робинзончик.

Робинзон. Ну, будем на связи. Зарядка у тебя есть.

Дана. Да. Если что случится, бери нашу кошку подмышку и - в подвал под домом.

Робинзон. Возьму, конечно. Давайте я вас хоть сфотографирую разок в бомбоубежище. Так сказать, на память о войне.

Дана. Мы такие замученные. Ну ладно, давай.

Робинзон. Через несколько дней она всё-таки высмотрела в сетях какой-то эвакуационный автобус и рванула на нём в благословенную Польшу. А я остался в квартире один. С каждым днём окружение Киева уплотняется. Вчера вывели из строя военный аэродром в Василькове и центр радиотехнической разведки в Броварах. Но я рад, что избавлен от необходимости изображать внимание в то время, как Дана с выпученными глазами зачитывает мне очередное идиотскую новость из интернета. К тому же мне теперь не нужно каждый раз проверять не обмочил ли “Боренька” сиденье унитаза. Ну почему она до сих пор его не научила?

05

Робинзон. Считается, что золотой век Голливуда начался во времена Великой депрессии, когда отдушиной для страдающих американцев стали кинотеатры. Я каждый день скачиваю с торрент-трекера (сейчас можно) какой-нибудь старый фильм Вуди Аллена (можно-можно - война!).

Гил. Как я рад, что вас встретил. Что вы здесь делаете?

Габриэль. Мои друзья живут в этом arrondissement. А вы?

Гил. Я? Просто гуляю. А вообще, решил переехать в Париж.

Габриэль. Вам здесь понравится.

Гил. Правда?

Габриэль. Я уверена. Знаете, а я недавно вспоминала вас. У нас в магазине появилась новая пластинка Коула Портера.

Гил. И поэтому вы вспомнили обо мне?

Габриэль. Да.

Гил. А куда вы идете сейчас? Можно я вас провожу?

Габриэль. Да.

Гил. О! Дождь начался.

Габриэль. Ничего страшного. Я не боюсь промокнуть.

Робинзон. Боже мой. В этом фильме актриса Леа Сейду играет всего лишь эпизодическую роль. Но, стоящая на берегу Сены, в летнем платье и с растрепанными на ветру волосами, она прекрасна. Успокойся, Робинзон. Даже если бы сейчас было мирное время, у тебя ничтожно мало шансов встретить такую девушку. Так что жизнь продолжается.

PornHub. Не грусти, чувачок. Брук Джонсон снова в деле. На этот раз она подвергается самым изощренным мучениям, которые ей когда-либо приходилось испытать. Сначала мы видим Брук, стоящей голой посреди мрачного подземелья. Папа использует несколько гибких девайсов для флоггинга, чтобы задать темп. Потом он поднимают её в воздух на подвеске для волос и вырывает несколько сильных оргазмов из ее мокрой киски. А затем с помощью верёвки фиксирует в бондаже с утяжеленными зажимами, растягивающие её соски...

06

Отец. Нормально. Ну а ты как, нормально?

Робинзон. Да ничего. У нас в Киеве пока большого наступления нет. А в Мариуполе как?

Отец. Стреляют.

Робинзон. Вы где вы будете? Дома остаётесь?

Отец. Да.

Робинзон. Еда там, всё есть у вас?

Отец. Всё есть.

Робинзон. Как думаешь? Долго будет?

Отец. Не знаю. Может завтра закончат.

Робинзон. Ясно. Ты как себя чувствуешь, пап?

Отец. Нормально.

Робинзон. Ну хорошо, маме тогда привет передавай. Будем на связи.

Отец. Подожди.

Робинзон. Да?

Отец. Показания для счётчика...

Робинзон. Какого счётчика?

Отец. Газового. Запиши - восемьсот двадцать пять кубических метров.

Робинзон. Восемьсот двадцать пять?

Отец. Да. Надо передать в Мариупольгаз. По интернету.

Робинзон. Да, конечно. Я заплачу. А за электричество?

Отец. Чуть позже.

Робинзон. Хорошо. Тогда пока.

07

Робинзон. “Голос Америки” сообщает, что российские войска подошли к Киеву с запада и северо-запада. Британская разведка - что армия РФ приближается с востока и северо-востока. По моим прикидкам, я живу аккуратно на севере столицы. Так что дела мои, пожалуй, не так уж плохи. А значит можно съездить в центр города. Чтобы не показаться подозрительным (идёт активная ловля диверсантов) я беру с собой продуктовую сумку и сую туда первую попавшуюся книжку (не Достоевского, упаси Господь!). На входе в метро - человек пять полицейских с автоматами. Один из них подзывает меня к себе, внимательно изучает паспорт. У меня там мариупольская прописка, так что я немного напрягаюсь. “Скільки часу знаходитесь в Києві?” - спрашивает он. “Лет пятнадцать уже”. Я прикидываю, что это должно быть хороший срок для культурной ассимиляции. Полицейский, видимо, тоже так считает и пропускает меня внутрь.

Сначала я попадаю в вестибюль, заполненный лежащими и сидящими на одеялах людьми, которые, похоже, собрались дожидаться здесь окончания войны. Затем спускаюсь ещё глубже - на платформу с грустными путниками и их тяжелыми рюкзаками. Метро сейчас - это царство Аида. Река скорби Ахерон застыла - на ней поставил вагончики, чтобы в них могли отдыхать души. Поезд ходит только Стиксу. С интервалом в один час. Довольный своей незамысловатой метафорой, я принимаю привычную позу внутреннего сноба. “Каждый из этих людей оказался здесь по

важному делу. А я, как всегда - случайный гость”, - думаю, снисходительно глядя на своих попутчиков. Но вдруг вспоминаю, что в Мариуполь уже две недели бомбят, и там нет света, воды, еды и медикаментов. И что отец не выходит на связь всё это время. Я даже зажимаю глаза, потому что боюсь увидеть его с матерью здесь. Но потом улыбаюсь. Потому что родители - это бессмертные боги, с которыми всё будет в порядке.

10 - 14 марта 2022 года

A play commissioned with a grant from Philip Arnault's Center for International Theater Development (U.S.)

Я погоджуюся на публікацію на сайті Укдрамахаб. Мою п'єсу використовувати тільки за моєї згоди.